

— Свист!

Тань Ци сделал резкий выпад. Словно поток чистой воды, полоса холодного света устремилась к Шэнь Цинчжоу, взвихрив палую листву.

Шэнь Цинчжоу уклонился легко и непринужденно. Отступив на семь чи, он дождался, пока острие меча приблизится почти вплотную, и лишь тогда резко ушел в сторону.

Удар пришелся в пустоту. Тань Ци попытался мгновенно развернуться для нового выпада, но перед самым его носом внезапно вырос ствол векового дерева. В панике он не успел даже затормозить и, зажмурившись от страха, приготовился со всей силы впечататься в кору.

Однако ожидавшегося удара не последовало. Осторожно, едва-едва приоткрыв один глаз, Тань Ци увидел прямо перед собой лишь бугристую темно-коричневую кору сосны.

Оказалось, в самый последний миг Шэнь Цинчжоу успел схватить его за шиворот, уберегая от неизбежного столкновения.

Смертельно бледный Тань Ци выпрямился и шумно выдохнул, испуганно похлопывая себя по груди.

Шэнь Цинчжоу и прежде отличался исключительным усердием в тренировках, а уж обретя Меч Влекущий Тень, и вовсе стал упражняться без устали, дабы не посрамить легендарное оружие. Тань Ци же поневоле сделался его постоянным спарринг-партнером.

Хотя по уровню совершенствования Тань Ци на целую ступень превосходил юношу, из-за потери памяти его боевое чутье и практические навыки оставляли желать лучшего. Против Шэнь Цинчжоу он не выдерживал никакого сравнения.

— Надо же, прославленный адепт клана Цинь, а труслив как заяц! — раздался насмешливый голос. Сюй Юньянь стояла, прислонившись к стене, и преспокойно уминала пирожные из глубокой тарелки, отправляя их в рот одно за другим.

— Вовсе я не трус! — возмутился Тань Ци. — Да у меня храбрости хоть отбавляй!

— Да неужели? — фыркнула Сюй Юньянь. — И выражается она в ночных вылазках в Павильон Восьми Деликатесов ради воровства еды?

При этих словах весь воинственный пыл Тань Ци мгновенно испарился. Он смущенно почесал кончик носа и бросил виноватый взгляд на Шэнь Цинчжоу.

— Но я действительно проголодался... — едва слышно пробурчал он.

Еще в прошлой жизни, до перемещения в этот мир, он частенько выбирался среди ночи через окно прачечной, сбегая из студенческого общежития за фастфудом. Вот и здесь он решил под покровом темноты раздобыть какой-нибудь перекус. Кое-как, трясаясь от страха, ему удалось миновать дозоры Хэйшицзы, но прямо у задней двери Терема Черной Птицы его с поличным поймала Сюй Юньянь.

— То-то я думаю: лежу вчера в постели, и вдруг меня непреодолимо тянет прогуляться к Терему Черной Птицы. Оказывается, это предчувствие вело меня навстречу мелкому воришке, — Сюй Юньянь закинула в рот очередное пирожное и прищурилась, глядя на Тань Ци.

«Ну и шестое чувство у девицы! Просто невероятно!» — мысленно содрогнулся тот.

— Ну зачем так грубо — «воришка»? — пролепетал он вслух. — Я просто искал, чем поживиться. Не надо выставлять меня преступником.

— Братъ без спросу — значит красть, а кто крадет — тот вор. Если бы у тебя все вышло, старый повар Чэнь сегодня утром точно повесился бы прямо у ворот Павильона Восьми Деликатесов от позора за растрату, — небрежно бросила Сюй Юньянь, но тут же испуганно спохватилась и заплонула через плечо: — Тьфу-тьфу-тьфу, типун мне на язык! Пусть мастер Чэнь живет до ста лет в полном здравии.

Тань Ци, судя по всему, не на шутку перепугался от такой картины.

— Неужели... неужели все настолько серьезно? — заикаясь, спросил он.

— Ты просто плохо знаешь мастера Чэня, — заговорщически подмигнул ему Шэнь Цинчжоу, решив подлить масла в огонь. — С тех пор как он возглавил Павильон, в его книгах учета не было ни единой пометки. Он фиксирует каждую каплю воды, ушедшую на мытье посуды или варку супа. Уж поверь, ради безупречной отчетности он и впрямь способен наложить на себя руки.

Доведя бедолагу Тань Ци едва ли не до полуобморочного состояния, Шэнь Цинчжоу рассмеялся, дружески похлопал его по плечу и убрал клинок в ножны. На сегодня тренировку можно было считать оконченной. Пора было принять ванну, переодеться в сухое и отправиться на ужин.

Тань Ци поспешил следом, тихонько бубня себе под нос, что Шэнь Цинчжоу попросту «врубил читы» и бесстыдно пользуется силой великого Меча Влекущего Тень, чтобы издеваться над слабыми.

— Эй, в этом поединке глава терема даже меча из ножен не вынул! — Сюй Юньянь, щедро разделив остатки угощения на троих, одарила жалобщика суровым взглядом. — Так что нечего сваливать на оружие, ты сам сплеховал.

— Да я просто отвлекся на дерево! — громко возразил Тань Ци. — На самом деле я невероятно крут!

Шэнь Цинчжоу лишь мягко улыбнулся и любопытствовал:

— А что означает это «врубить читы»?

— Э-э... — Тань Ци замялся на пару секунд, лихорадочно подбирая слова. — Ну, это... значит жульничать, использовать недозволенные приемы.

— Хм, какое любопытное выражение. Из какого же оно диалекта?

Тань Ци лишь невнятно замычал в ответ, не зная, как выкрутиться, и его бледное лицо густо покраснело. К счастью, Шэнь Цинчжоу спросил об этом без задней мысли и не стал допытываться.

Заходящее солнце зацепилось за верхушки старых сосен, и прохладные сумерки медленно опустились на зеленые горные пики.

В империи Великий Цянь не существовало комендантского часа. Набив живот в Павильоне Восьми Деликатесов, Тань Ци прихватил немного серебра и направился к Переправе Кит-рыбы. Завтра у него был законный выходной, а послезавтра как раз выпадало первое число месяца — два свободных дня подряд! Упускать такую возможность было нельзя: он твердо вознамерился как следует изучить здешний рынок.

Узнав о его планах, Шэнь Цинчжоу вручил ему резной деревянный амулет и велел ни в коем случае не снимать его во время прогулки.

Тань Ци и понятия не имел, что держит в руках редчайшее сокровище, вырезанное из священной древесины Диву, но послушаться наставления не посмел. Найдя прочный шнурок, он послушно повесил оберег себе на шею.

Сам же Шэнь Цинчжоу вернулся в кабинет Обителю Чистого Блеска и мирно принялся за переписывание древних свитков.

С тех пор как Чжоу Фу бесцеремонно вышвырнул его из сновидения, старый наставник больше не давал о себе знать. Шэнь Цинчжоу радовался неожиданному покою, однако неразгаданная тайна собственного происхождения по-прежнему сидела в горле острой костью. Стоило лишь задуматься об этом, как виски начинало ломить от боли.

В минуты душевного смятения он всегда брался за каллиграфию. На этот раз его выбор пал на знаменитое творение великого стратега Чжугэ Ляна — «Чушибяо».

Впервые он прочел эти строки в семилетнем возрасте, когда старый глава клана Цинь привел его поклониться памяти павших в храм Ухоуцы. Стоило ему взглянуть на высеченные на каменной стеле иероглифы, как из глаз его хлынули слезы. Мальчик плакал навзрыд, не в силах остановиться, и никакие уговоры взрослых не могли его унять.

Старый патриарх пытался увести его силой, но ребенок отчаянно сопротивлялся. Он читал и читал вслух предсмертное послание великого канцлера, пока окончательно не сорвал голос. Лишь когда истощенный слезами мальчик заснул мертвым сном, старик смог унести его на руках.

Странно, но подобное наваждение случилось лишь единожды. В последующие годы, перечитывая «Чушибяо», он испытывал лишь благоговейный трепет и легкую грусть, но бывшая разрывающая сердце скорбь ушла безвозвратно.

«Прежний император не успел завершить свое великое начинание и скончался на полпути. Ныне Поднебесная разделена на трое, а земли Ичжоу истощены. Поистине, настал час, когда решается судьба нашего государства... Дворец императора и палаты правителей суть единое целое; награды и наказания должны быть равными для всех... Приближать добродетельных мужей и отдалять ничтожных — вот благодаря чему крепла и процветала династия Ранняя Хань...»

Шэнь Цинчжоу знал этот текст наизусть. Каждое движение его кисти было исполнено глубочайшего почтения к памяти Чжугэ Ляна.

Неважно, как называли те времена историки — эпохой Шу или Поздней Хань, для него Чжугэ Лян навсегда оставался единственным истинным канцлером великой империи.

Когда кончик кисти вывел фразу «Слуга ваш изначально был простым простолюдином...», за окном раздался резкий, требовательный стук в дверь, мгновенно нарушивший безмолвие ночи. Он сопровождался протяжным, испуганным визгом Хэйшицзы.

Шэнь Цинчжоу отложил кисть. В крике Хэйшицзы звенела тревога, но так питомец реагировал лишь на хорошо знакомых людей.

Кто мог явиться в столь поздний час? Неужели опять Чжоу Фу со своими играми разума?

— Дядюшка Куньюй... у-у-у, дядюшка... — Стук становился все более беспорядочным, а сквозь щели в дверях донеслось приглушенное всхлипывание.

Узнав этот голос, Шэнь Цинчжоу поспешно распахнул створки.

— Тань Ци?

В нос Шэнь Цинчжоу тут же ударил густой, резкий запах алкоголя. Рука Тань Ци так и застыла в воздухе. Он уставился на хозяина дома мутным, осовелым взглядом, на его лице отразилась крайняя степень обиды.

— Ты что, напился? — Шэнь Цинчжоу нахмурился, втащил гостя внутрь и усадил за стол. — Посиди спокойно, я распоряжусь, чтобы тебе приготовили отвар от похмелья.

Но стоило ему сделать шаг, как Тань Ци мертвой хваткой вцепился в его широкий рукав.

Тань Ци сощурился и упрямо мотнул головой:

— Я... не пьян.

— Хорошо-хорошо, не пьян, — вздохнул Шэнь Цинчжоу. Всем известно, что спорить с пьяными — гиблое дело.

— Вот именно! — Тань Ци вытаращил глаза, силясь сфокусировать взгляд. — Видишь, я же сам нашел дорогу назад в поместье клана Цинь! Разве пьяный смог бы это сделать?

Тут же издав громкую икоту под красноречивым взглядом Шэнь Цинчжоу, он поспешно добавил:

— Это... это я просто объелся.

Он дернул Шэнь Цинчжоу за рукав, и его хмель точно начал выветриваться, сменяясь глубокой, глухой тоской. Голос парня упал до шепота:

— Дядюшка Куньюй... я хочу домой. Хочу к маме и папе.

— Не нужно мне это бессмертие, не хочу я совершенствоваться... Я домой хочу.

Тань Ци опустил голову. В его глазах блеснули слезы, и одна за другой покатались по щекам, оставляя влажные дорожки.

— Здесь так плохо... Ни тебе телефона, ни компьютера. Стоит выйти за ворота поместья Цинь — и я совсем один, ни единой знакомой души...

— Местные книжки — скучотища смертная, да я и половину иероглифов разобрать не могу! Все эти династии Цянь, Лань... Откуда мне знать, что это вообще такое?

— И тренировки эти дурацкие... Описания техник сложнее, чем теория функций

действительного переменного! А когда бьют на тренировках — это же чертовски больно!

— Домой... Я хочу домой, к маме с папой... — Тань Ци окончательно разрыдался, уткнувшись лицом прямо в шелк чужого халата.

Тань Ци от души размазывал слезы и сопли по дороговому шелку. Шэнь Цинчжоу сначала хотел брезгливо отпрянуть, но, поглядев на это безутешное, рыдающее создание, лишь тяжело вздохнул и смягчился.

По правде говоря, разило от парня не так уж сильно, иначе Шэнь Цинчжоу даже на порог бы его не пустил. По крайней мере, хмельной Тань Ци не буянил, а лишь плакал — для пьяницы поведение вполне сносное.

Шэнь Цинчжоу ласково взъерошил его растрепанную шевелюру и тихонько, словно ребенка, принялся успокаивать:

— Хорошо, я помогу тебе вернуться. Расскажи только, где твой дом?

Тань Ци пробормотал под нос какое-то название, показавшееся Шэнь Цинчжоу совершенно диковинным.

— Где это? К югу или к северу от острова Мосин?

Он хотел расспросить подробнее, но Тань Ци вдруг резко выпрямился и осторожно отстранился от него.

Шэнь Цинчжоу удивленно приподнял бровь. Надо же, буря миновала, и разум прояснился?

Тань Ци торопливо вытер рукавом мокрое лицо и виновато улыбнулся. Взгляд его действительно стал гораздо более осмысленным.

— Прости, дядюшка Куньюй... Перебрал немного, вот и нахлынуло. Твоя одежда...

Он со страхом уставился на измятый, насквозь промокший шелк рукава Шэнь Цинчжоу и робко предложил:

— Хочешь... я постираю?

— Не нужно, — Шэнь Цинчжоу окинул взглядом свой удручающий вид и сделал глубокий вдох, стараясь вернуть душевное равновесие. — Посиди здесь, я переоденусь.

Тань Ци порывался было тихонько выскользнуть за дверь, пока хозяин дома не передумал, но послушно остался сидеть на месте.

Когда Шэнь Цинчжоу вернулся в свежем халате, Тань Ци уже успел по-хозяйски налить в чашки воды и теперь с любопытством разглядывал разложенный на столе свиток «Чушибяо». Заметив юношу, он подобострастно протянул ему чашку.

— Дядюшка, выпей водички.

Шэнь Цинчжоу проигнорировал жест и молча отодвинул пиалу в сторону.

В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина. Улыбка на лице Тань Ци сделалась вымученной, а затем и вовсе увяла.

— Ты не Тань Ци, — спокойно произнес Шэнь Цинчжоу, нарушив молчание.

Гость замялся. Он понимал, что после пьяных откровений отпираться бессмысленно, и решил не юлить.

— Да, — кивнул он. — Я не Тань Ци. Мое настоящее имя... Цзи Ин.

На самом деле хмель не успел полностью лишить его разума, просто тоска по дому оказалась слишком сильной, и в порыве чувств он побежал изливать душу Шэнь Цинчжоу.

Шэнь Цинчжоу пристально вглядывался в него, словно пытаясь разглядеть чуждую душу за привычным лицом своего названного племянника.

— А где же настоящий Тань Ци?

— Не знаю, — Цзи Ин заерзал на стуле под этим пронзительным взглядом. — Может... занял мое тело там, в моем мире.

Шэнь Цинчжоу медленно кивнул.

— Слушай меня внимательно, Цзи Ин. Если ты хочешь остаться в живых и дальше спокойно существовать в клане Цинь, для всех ты обязан оставаться Тань Ци. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

При воспоминании о ледящем душу прикосновении пальца главы клана Цинь, Цзи Ина затрясло крупной дрожью.

Он слишком хорошо понимал это. Вся доброжелательность патриарха Цинь держалась лишь на том, что перед ним был сын его покойного друга. Раскройся правда — и с самозванца живьем сдерут кожу.

Тайные техники извлечения души на него не действовали. До тех пор, пока Цзи Ин твердил, что потерял память, доказать обман было невозможно. Именно поэтому Шэнь Цинчжоу и не собирался выдавать его: лишние дразги и риск навлечь на себя встречные обвинения ему были ни к чему.

Цзи Ин уже открыл рот, чтобы присягнуть в верности и подкрепить слова клятвой, но стоило ему кивнуть, как у самого его горла очутилось нечто неописуемо холодное. Сердце парня ушло в пятки.

Скосив глаза вниз, он похолодел от ужаса: Меч Влекущий Тень, бесшумно выскользнув из ножен, застыл в волоске от его яремной вены.

Шэнь Цинчжоу стоял напротив, скрестив руки на груди, и с невозмутимым видом наблюдал за его реакцией.

— Я... я все понял... — выдавил из себя Цзи Ин прерывающимся от страха голосом.

— Надеюсь, у тебя не возникнет глупых мыслей как-то навредить клану Цинь? — зная, что его собеседник умом не блещет, Шэнь Цинчжоу предпочел говорить максимально прямо.

— Ни в коем случае! Я ведь рассчитываю, что клан будет меня кормить и поить! — Цзи Ин едва ли не плакал от страха, готовый поклясться чем угодно, лишь бы убрать от шеи смертоносную сталь. Трусость в этот момент была его лучшим щитом.

Шэнь Цинчжоу негромко рассмеялся. Меч Влекущий Тень отозвался тихим звоном и плавно вернулся в висевшие на стене ножны.

— Неужели техники совершенствования даются тебе с таким трудом? — непринужденно поинтересовался Шэнь Цинчжоу. Его взгляд вновь сделался мягким и чистым, словно мгновение назад он не угрожал гостю смертью.

— Чертовски трудно, — Цзи Ин почувствовал, что ноги его больше не держат, и тяжело опустил обратно на стул. — Это в сто раз хуже математики.

— Математики? Ты имеешь в виду искусство счета?

— Ну, вроде того... Слышал когда-нибудь такое выражение? Твои глаза могут обмануть тебя, твои уши могут обмануть тебя, твой опыт и твоё воображение тоже могут подвести. Но только не математика. Если ты не умеешь решать — значит, ты просто не умеешь.

Шэнь Цинчжоу на мгновение лишился дара речи от столь странной философии.

Звучало дико, но доля истины в этом определенно присутствовала.

— Так ты ученый-математик?

— Ну... можно и так сказать...

Они перекинулись еще парой фраз, как вдруг их беседу прервал резкий крик Хэйшицзы:

— Мэнцзи!

«Кто же мог явиться в такую глухую пору?» — недоумевая, Шэнь Цинчжоу решительно направился к дверям и распахнул их.

<http://bllate.org/book/18428/1793517>